

Александрова Оксана Сергеевна

**ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА, В ИСТОЧНИКАХ
УГОЛОВНОГО ПРАВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Статья посвящена рассмотрению понятия убийства, совершенного в состоянии аффекта, в источниках уголовного права советского периода. Автор рассматривает, как происходило эволюционирование данного понятия, и какие проблемы возникали в процессе правоприменения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/4.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 23-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

могло иметь положительное значение для тюркских народов, облегчив, в определенной мере, их сотрудничество с западной цивилизацией. Однако режим, стоявший у власти, главную задачу латинизации усматривал в подготовке в дальнейшем перехода к кириллице, ассоциировавшейся у поработанных народов с колониализмом, облегчавшей русификаторскую политику, создание унифицированной общности «советский народ», оторванной от своих духовных истоков, национальных ценностей и культуры.

Список литературы

1. Аланга. 1928. № 1. С. 8-9.
2. Алиев У. Победа над латинизацией - лучшая память о товарище Агамалы-оглы // Революция и национальности. 1939. № 7. С. 20.
3. В борьбе за новый тюркский алфавит: сборник статей / Изд. Научной ассоциации востоковедения. М., 1926. С. 38.
4. Вестник просвещения и коммунистической культуры. 1921. № 7-8. С. 21.
5. Гитлин С. Национальные отношения в Узбекистане: иллюзии и реальность. Тель-Авив, 1998. С. 402.
6. Ибрагимов С. И. Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М.: Наука, 1972. С. 160.
7. Каримов И. А. Для нас нет иной цели, кроме интересов нашего народа, нашей Родины: речь Президента Республики Узбекистан на 7-й сессии Олий Мажлиса // Правда Востока. 2001. 8 декабря.
8. Ладна Р. Россия и ислам: взаимодействие культур // Россия и мусульманский мир. 2000. № 12. С. 18.
9. Ларош Е. К вопросу о латинизации в Турции // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 2. С. 34-35.
10. Первый всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля - 5 марта 1926 г.: стенографический отчет. Баку, 1926. С. 423-426.
11. Раджабов С. К истории советской школы в Узбекистане. Ташкент, 1957. С. 46.
12. Рауф Музаффар Г. Тил ва имло масаласи // Садои Туркистон. 1914.
13. Тагиев И. Мирза Фатали Ахундов и новый тюркский алфавит // Культура и письменность Востока. Кн. 2. С. 58-59.
14. Туракулов Н. К вопросу о латинизации тюркских алфавитов: в борьбе за новый тюркский алфавит: сборник статей / Изд. Научной ассоциации востоковедения. 1926. С. 15-17.
15. Фазылов Э. И., Чечулина Л. Г. Русские тюркологи и узбекское языкознание. Т.: Фан, 1979.
16. Фитрат. Неуместные «кудри» // Кизил Узбекистон. 1929. № 215-216.
17. Энциклопедия Республики Узбекистан. Т.: Комуслар бош тахририяти, 1997. С. 512.

SOCIAL-HISTORICAL PROCESS OF THE UZBEK WRITTEN LANGUAGE TRANSITION TO THE LATIN SCRIPT

Nasiba Bahritdinovna Azizova

*Department of National Idea, Law and Spirituality Basis
Karshi State University, Uzbekistan
azizovanasiba@mail.ru*

Today the problems connected with the transition from Cyrillic to Latin script are actual not only for Uzbekistan but for all the republics of Central Asian region. On the basis of the historical data the author tries to reveal the necessity of the transition of the Uzbek written language to the Latin script although it is not new as the Uzbek people's heritage has been published in several scripts: ancient Aramaic, Arabian, Latin and Cyrillic.

Key words and phrases: graphics; alphabet; spelling; orthography researchers; Latin script; Cyrillic script; Arabian written language.

УДК 343.611.2

Статья посвящена рассмотрению понятия убийства, совершенного в состоянии аффекта, в источниках уголовного права советского периода. Автор рассматривает, как происходило эволюционирование данного понятия, и какие проблемы возникали в процессе правоприменения.

Ключевые слова и фразы: аффект; убийства, совершенные в состоянии аффекта; реализация преступного умысла; привилегированные составы преступления; эмоциональное состояние; субъективная сторона преступления.

Оксана Сергеевна Александрова

*Кафедра уголовного права и криминологии
Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск
alexandrova7878@mail.ru*

ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА, В ИСТОЧНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[©]

Восстание рабочих и солдат в Петрограде в феврале 1917 г. привело к революции. Каких-либо крупных реформ в области уголовного права не было проведено. После революции 1917 г. советская власть издает большое число декретов, содержащих уголовно-правовые нормы.

Эти декреты о суде, «Обращения» Совета Народных Комиссаров о борьбе с контрреволюцией и Декреты о национализации земли и промышленности, о введении восьмичасового рабочего дня и рабочего контроля, о налогах, о создании Красной Армии – содержали и нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость невыполнения мероприятий советской власти [2, с. 59].

В период 1917-1919 гг. советское уголовное законодательство вообще не содержало точных норм о преступлениях против личности. Характерной чертой законодательства следует признать полное отсутствие конкретных санкций хотя бы по тягчайшим видам преступлений против личности и имущества граждан.

В Уголовном кодексе РСФСР, который был введен в действие в июне 1922 г., в ст. 144 диспозиция была сформулирована следующим образом: «Умышленное убийство под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего...». Считалось, что «сам факт волнения, хотя бы и сильного, не должен смягчать ответственности» [4, с. 9].

В ноябре 1926 г. ВЦИК принимает новый Уголовный кодекс РСФСР, который в основе своей повторяет УК РСФСР 1922 г. Он не изменяет существенным образом диспозицию ст. 138 УК РСФСР, которая предусматривает убийство в состоянии сильного душевного волнения. Изменению подверглась лишь санкция данной нормы, в которой срок лишения свободы был увеличен с трех до пяти лет. Ст. 144 УК РСФСР 1926 г. предусматривала пониженную ответственность за легкое телесное повреждение, совершенное виновным в состоянии аффекта, что вызывало серьезные трудности на практике. В этой связи Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 7 марта 1927 г. вынужден был дать ряд разъяснений. В частности, в нем отмечалось, что, «Исходя из того, что ст. 144 УК РСФСР 1926 г. предусматривает легкое телесное повреждение, нанесенное под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а нанесение тяжкого телесного повреждения при тех же условиях не предусмотрено специально Уголовным кодексом, а ст. 142, предусматривающая нанесение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, специально не выделяет случаев нанесения этих повреждений, при наличии указанных в ст. 144 условий, впредь до издания специального закона, при определении меры социальной защиты за нанесение тяжкого телесного повреждения под влиянием внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, суд должен руководствоваться пределами санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 143» [5, с. 189].

В этой связи важно отметить, что в п. «д» ст. 48 УК РСФСР 1926 г. смягчающим обстоятельством называлось состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения без указания на противоправный характер действий со стороны потерпевшего лица. Такая формулировка уже была изменена в п. 4 ст. 33 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., в котором содержалось указание не только на наличие у виновного лица состояния аффекта, но и на обусловленность данного обстоятельства неправомерностью действий потерпевшего. А вопрос о том, может ли состояние аффекта у виновного лица вне связи с неправомерностью действий со стороны потерпевшего быть обстоятельством, характеризующим деяние как менее опасное с точки зрения уголовного права, был некоторое время остро обсуждаемым в правовой литературе.

В свое время в советской литературе была предпринята интересная попытка обосновать возможность квалификации по ст. 104 УК РСФСР убийства в состоянии аффекта по мотиву ревности. Т. Г. Шавгулидзе, признавая, что супружеская измена не носит противоправного характера, не является оскорблением в уголовно-правовом смысле, тем не менее, считал, что убийство в состоянии аффекта, совершенное под влиянием супружеской измены, должно быть квалифицировано по ст. 106 УК Грузинской ССР (ст. 104 УК РСФСР). Автор пытался устранить противоречивость своей позиции следующим образом. По его мнению, «супружеская неверность должна приравниваться по своему значению к насилию и тяжкому оскорблению» [8, с. 135].

Ошибочность данной позиции состоит в том, что Т. Г. Шавгулидзе не учитывал различные подходы морали и права к оценке супружеской измены. Измена супруга относится к области нарушения моральных норм и находится вне сферы правового регулирования. Суд не может толковать закон по своему усмотрению, отдавая предпочтение моральным требованиям перед правовыми. Справедливо мнение о том, что «судьям, прокурорам и адвокатам государство предъявляет требования не выходить при рассмотрении конкретных дел из рамок закона, не путать юридическую вину с виной неюридической» [3, с. 120].

Некоторыми учеными была высказана точка зрения, согласно которой сам факт наличия аффекта независимо от причин, его вызвавших, должен быть основанием к снижению ответственности. К примеру, М. Д. Шаргородский считал, что «требование провокации вряд ли является основательным... В состоянии аффекта человек не может полностью отвечать за свои поступки как за умышленные, просто в результате того состояния, в котором он находится, именно это должно явиться основанием для снижения меры наказания» [9, с. 214].

Сторонник другой точки зрения А. А. Жижиленко справедливо писал: «Одного аффекта, то есть сильного душевного волнения, еще недостаточно для признания убийства привилегированным; требуется еще, чтобы была налицо провокация, то есть известные агрессивные действия со стороны потерпевшего. Эта провокация должна выражаться или в насилие, или в тяжком оскорблении со стороны потерпевшего...» [1, с. 25-26].

Ст. 104 УК РСФСР 1960 г. закрепляла положение о том, что умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до двух лет [6, с. 163].

В данном контексте состояние сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, имело два значения: во-первых, данное обстоятельство было закреплено в специальных нормах, влияющих на квалификацию деяния (ст. 104, 110 УК РСФСР) и, во-вторых, в качестве смягчающего ответственность обстоятельства учитывалось при назначении наказания (п. 5 ст. 38 УК РСФСР) [Там же, с. 164].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в круг обстоятельств, которые могли быть основанием для установления состояния аффекта, помимо насилия и тяжкого оскорбления включил и иные противозаконные действия потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Если внезапно возникшее сильное душевное волнение было вызвано иными обстоятельствами, оно не могло рассматриваться обязательным признаком субъективной стороны убийства, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, нанесенных в состоянии аффекта.

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ устанавливает уголовную ответственность за убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ). Уголовный закон расширил круг обстоятельств, могущих быть основанием для установления состояния аффекта. В частности, для признания в действиях виновного смягчающих уголовную ответственность обстоятельств достаточно противоправных и даже аморальных действий (бездействия) потерпевшего. Если же такие действия потерпевшего вызвали у виновного «внезапно возникшее сильное душевное волнение», то его действия следует квалифицировать как совершенные в состоянии аффекта.

В качестве повода для возникновения состояния аффекта названа длительная психотравмирующая ситуация, возникающая в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшего. В ч. 2 ст. 107 УК РФ предусмотрено убийство двух или более лиц в состоянии аффекта; снижено по сравнению с прежним законодательством наказание за убийство в состоянии аффекта с пяти до трех лет. Наказание до пяти лет лишения свободы устанавливается лишь за убийство двух и более лиц [7, с. 49].

Необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 107 УК РФ и ст. 113 УК РФ не идет речь о близких виновного и о самом виновном, как это было в ранее действовавших уголовных кодексах. Таким образом, противоправное и аморальное поведение потерпевшего может быть направлено не только на виновного, но и на других лиц, что является совершенно оправданным, поскольку многие люди способны чувствовать боль другого человека, испытывать чувства сострадания и справедливости.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом РФ состояние сильного душевного волнения (аффекта) включено законодателем непосредственно в составы конкретных преступлений (ст. 107, 113 УК РФ) и влияет на квалификацию. В качестве общего, смягчающего ответственность обстоятельства, учитываемого при назначении наказания, законодатель выделяет только противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, без указания на состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, как это было в ранее действовавших кодексах. В Общей части УК РФ речь идет только о противоправном поведении потерпевшего, которое не всегда может вызвать состояние аффекта у виновного лица, да и сам по себе аффект вовсе не обязательно становится причиной правонарушения.

Таким образом, по сравнению с прежним законодательством в соответствующих нормах действующего Уголовного кодекса РФ, посвященных преступлениям, совершенным в состоянии аффекта, имеется ряд моментов, улучшающих содержание признаков указанных составов преступлений. В частности, введено понятие аффекта, расширен круг лиц, против которых может быть направлено противоправное поведение потерпевшего, отсутствует указание на то, что действия потерпевшего «повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких», т.е. рамки применения ст. 107, 113 УК РФ законодателем расширены.

Список литературы

1. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М., 1927.
2. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, Б. С. Утевский. М., 1947.
3. Карева М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951.
4. Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. Часть особенная.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2.
6. Собрание кодексов РСФСР. М.: Юриздат, 1941.
7. Уголовный кодекс РФ. М., 2010.
8. Шавгулидзе Т. Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973.
9. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947.

THE NOTION OF THE MURDER COMMITTED IN AFFECT STATE IN THE SOURCES OF CRIMINAL LAW OF THE SOVIET PERIOD

Oksana Sergeevna Aleksandrova

Department of Criminal Law and Science

*Far Eastern Law Institute of Ministry of Home Affairs of the Russian Federation, Habarovsk
alexandrova7878@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of the notion of the murder committed in affect state in the sources of criminal law of the soviet period. The author tackles the evolution of this notion and the problems which occurred during the process of law enforcement.

Key words and phrases: affect; murder committed in affect state; execution of criminal intent; privileged corpus delicti; emotional state; subjective side of crime.